

«В СТРЕМЛЕНИИ ДОСТИЧЬ ЕГО»
Духовные упражнения Братства «Общения и освобождения»
Римини, 4 апреля 2014 г.

Введение, сделанное Хулианом Карроном

«В стремлении достичь Его»¹. Кто из нас не желал бы быть здесь сегодня вечером с тем же лицом – открытым, напряженным, исполненным желанием, удивления, как у Петра и Иоанна, когда они направлялись ко Гробу в пасхальное утро?² Кто из нас не хотел бы пребывать здесь, чтобы искать Христа с той же напряженностью, какую мы видим в их лицах, с сердцем, полным надежды вновь обрести Его, вновь увидеть Его, быть привлеченными, обвороженными, как в первый день? И кто из нас действительно ожидает, что нечто подобное может случиться?

Как и им, нам тоже трудно поверить весте, которую принесли женщины, то есть признать самый потрясающий факт в истории, предоставить ему пространство внутри нас, принять его в наше сердце, чтобы он мог нас преобразить. Как и они, мы ощущаем потребность в том, чтобы быть вновь охваченными и чтобы таким образом в нас пробудилась вся наша ностальгия по Христу.

Вместе попросим у Духа Святого пробудить в каждом из нас ожидание, желание Его присутствия.

Снизойди, Дух Святой

Добро пожаловать!

Приветствую каждого из присутствующих здесь, а также друзей, которые подключились к нам в разных странах и всех тех, кто будет участвовать в упражнениях в ближайшие недели.

В последние месяцы наш путь отмечен двумя фактами: Днем начала года и моей аудиенцией у Папы Франциска.

Во время Дня начала года мы поставили во главу угла два вопроса: «Как возможно жить?» и «Какова наша задача в мире?». Задавшись этими вопросами в определенных обстоятельствах, мы увидели, что прежде всего нуждаемся в том, чтобы все больше становиться подлинным, не реактивным присутствием. Отец Джуссани напоминал нам: «Присутствие является подлинным, когда оно рождается от осознания собственной идентичности и из привязанности к ней, и в этом обретает свою основательность»³.

С тех пор прошло много месяцев и многие события бросили нам вызов. Что происходило перед лицом провокаций, от которых реальность нас не избавила? Эти дни – ценная возможность увидеть, каким образом мы проверяли предложение, сделанное в начале года. Проявилась ли наша подлинность под давлением вызовов? Проверили ли мы нашу состоятельность или же позволили всеобщему менталитету сбить нас с ног и не смогли преодолеть реактивную позицию?

На аудиенции с Папой Франциском, к содержанию которой я обратился в последовавшем за ней письме Братству, стало с первого мгновения ясно, что Святейший Отец как пастырь всей Церкви принимает близко к сердцу. И мне кажется, нелишне будет вернуться к этому в начале наших упражнений.

¹ Ср. *Фил* 3, 1.

² В этот момент все видят картину Эжена Бурнана (1850–1921) «Ученики Петр и Иоанн бегут ко гробу в утро Воскресения». Холст, масло, 1898. Музей Орсе, Париж.

³ L. Giussani, *Dall'utopia alla presenza (1975–1978)*, Bur, Milano 2006, p. 52.

Что же заботит Папу? Он сказал нам об этом с присущей ему синтетичностью: новая евангелизация, неотложная необходимость «пробуждать в сердцах и умах наших современников жизнь веры. Вера – дар Бога, однако важно, чтобы мы, христиане, показали миру, что переживаем веру конкретным образом – в любви, согласии, радости, страдании. Именно это заставляет окружающих спрашивать, как было и в самом начале пути Церкви: почему они так живут? Что ими движет? <...> Сердцевина евангелизации <...> состоит в *свидетельстве* веры и любви. В наши времена мы особенно нуждаемся в свидетелях, достойных доверия, способных собственной жизнью и словом сделать зримым Евангелие, пробудить привязанность к Иисусу Христу, к красоте Бога <...> Мир нуждается в христианах, которые сделают явным для современных людей милосердие Бога, Его нежность к каждому творению»⁴.

Таким образом, Папа беспокоится о миссии. «Новая евангелизация – обновленное движение по направлению к тем, кто потерял веру и глубинный смысл жизни. Эта динамика является частью великой миссии Христа по привнесению в мир жизни, любви Отца к человечеству. Сын Божий “оставил” Свое божественное положение и вышел нам навстречу. Церковь же включена в это движение, любой христианин призван идти навстречу другим людям, вступать в диалог с теми, кто не разделяет нашего мнения, имеет другую веру или не верит вообще. Встречаться со всеми, потому что все мы созданы по образу и подобию Божию. Мы можем идти навстречу каждому, не испытывая страха и не отказываясь от нашей принадлежности»⁵.

Папа также ясно определил и метод: призыв к сути вещей. Чтобы отправиться «к окраинам существования», пишет он, «необходимо вовлечение <...>, призывающее к сути вещей и *сосредоточенное на сути вещей, то есть на Иисусе Христе*. Нет смысла растрачиваться на множество второстепенных и ненужных дел, следует сосредоточиться на основополагающей реальности, состоящей во встрече со Христом, с Его милосердием, с Его любовью, и любить наших братьев, как Он возлюбил нас»; это «побуждает нас не застывать в старых формах и смело идти новыми путями! Мы могли бы спросить: каково папское послание наших епархий и приходов? Делает ли оно зримым самое главное, то есть Иисуса Христа?»⁶

В письме, отправленном после аудиенции, я писал: «Делает ли зримым самое главное, то есть Иисуса Христа, каждый из нас, каждая община Движения? Как свидетельствует вся жизнь отца Джуссани, мы рождены только ради этого, а потому прошу вас воспринимать вопрос Святейшего Отца так, словно он обращен именно к нам»⁷. Перед лицом исторических обстоятельств, посредством которых Тайна бросила вызов каждому из нас, сделали ли мы зримым самое главное или же расточили себя на множество второстепенных и ненужных дел?

Призывая нас к сути вещей, Святейший Отец показывает, куда смотрит он сам, чтобы отвечать на вызов, заключающийся в проживании веры сегодня, в нашем мире. Призыв к сути вещей является важнейшим указанием метода.

Вот почему главная проблема звучит следующим образом: в чем состоит для нас суть вещей? Суть вещей – то, что отвечает на вопрос, как возможно жить. И что же такое для каждого из нас суть вещей? Нет вопроса более уместного для начала наших упражнений, именно в силу его радикальности. «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть»⁸. Эта фраза Иисуса говорит нам, что каждый из нас может утверждать лишь одну вещь как конечную, ведь единство человеческого «я» неустранимо.

⁴ Франциск. *Обращение к участникам пленарного заседания Папского совета по содействию новой евангелизации*. 14 октября 2013 г. П. 1.

⁵ Там же, п. 2.

⁶ Там же, п. 3.

⁷ Х. Каррон. *Письмо Братству «Общения и освобождения»*. 16 октября 2013 г.

⁸ Мф 6, 24.

Поэтому перед провокациями жизни каждый вынужден решать, какова эта конечная вещь, которой он дорожит более, чем любой другой. Давление обстоятельств не оставляет нам выхода и вынуждает выявлять самое дорогое, что у нас есть.

Как можем мы, не обманываясь, понять, в чем состоит для нас суть вещей? Методу нас научил отец Джуссани: необходимо наблюдать за собой в действии, на опыте. Потому что «факторы, образующие человеческую личность, воспринимаются [и мы осознаем их] там, где они вовлечены в действие, – иначе обнаружить их невозможно <...> Чем больше человек вовлечен в жизнь, тем в большей степени он постигает жизненные факторы, даже в отдельном опыте. Жизнь – это переплетение событий и встреч, бросающих вызов сознанию и порождающих в нем различные проблемы. Проблема есть не что иное, как динамичное выражение реакции человека на встречу. Следовательно, жизнь соткана из проблем; она является переплетением реакций человека на встречи, в той или иной степени бросающие ему вызов. Смысл жизни – или то, что для нее имеет самое непосредственное и важное значение, – может постичь только тот, кто принимает жизнь и, следовательно, события и встречи всерьез; тот, кто вовлечен в жизненную проблематику. Быть вовлеченным в жизнь – не значит сосредоточиться только на том или ином ее аспекте: вовлеченность в жизнь никогда не бывает частичной. Сосредоточенность на том или ином аспекте жизни, если только не проистекает из глобальной вовлеченности в саму жизнь, рискует стать неуравновешенной пристрастностью, навязчивой идеей или истерией. Вспоминаются слова Честертона: «Ошибка – это истина, ставшая безумной»». Поэтому «условие постижения в нас существования и природы такого определяющего, решающего фактора, как религиозное чувство, – это вовлеченность во всю жизнь целиком; причем должно быть включено все: любовь, [работа] учеба, политика, деньги, вплоть до еды и отдыха; не следует забывать ни о чем: ни о дружбе, ни о надежде, ни о прощении, ни о гневе, ни о терпении. Ведь за каждым поступком стоит шаг навстречу нашей собственной судьбе»⁹.

Итак, что же происходит, когда человек вовлекается во все факторы жизни, в полноту жизни? Чем больше он живет, тем больше видит, какова природа его нужды. Чем больше мы открываем наши потребности, тем больше замечаем, что не способны удовлетворить их самостоятельно, так же как не могут их удовлетворить и другие, люди, подобные нам, бедные как и мы. *«Чувство немощи сопровождает всякий серьезный человеческий опыт. Именно это чувство немощи порождает одиночество. Истинное одиночество происходит не столько от физического отсутствия других, сколько от открытия того, что наша основополагающая проблема не может найти ответа ни в нас, ни в других. Можно с полным правом сказать, что чувство одиночества рождается в самой глубине всякого серьезного вовлечения в нашу человечность»*¹⁰.

Именно это чувство немощи, в котором, в конечном счете, и заключается одиночество и опыт которого проживает каждый из нас, должно получить ответ. Без ответа все превращается в попытку отвлечься.

Мы пребываем один на один с нашей нуждой, которая проявляется во многих вопросах, возникших в последние месяцы. И если такова наша ситуация, то что позволяет нам устоять на ногах? Иными словами, в чем заключается суть вещей, столь нужная нам, чтобы жить по-человечески, согласно всей глубине наших потребностей? Что для нас составляет суть вещей? Нет никакого другого способа понять, в чем для нас заключается суть вещей, как только замечая в опыте, откуда мы ждем ответа на нужды жизни.

В силу полученного нами воспитания, ответ мог бы быть простым и даже очевидным, само собой разумеющимся: для нас суть вещей – Христос, присутствие Христа. Но мы не должны расправляться с вопросом так легко. Потому что машинального ответа не достаточно. И часто, наблюдая за собой в действии, мы вынуждены признать бесспорный факт: суть вещей для нас в чем-то другом.

⁹ Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М., 2004. С. 41–42.

¹⁰ Л. Джуссани. *Путь к истине является опытом*. М., 2006. С. 67.

Критерий, позволяющий понять, в чем же она, дается нам в святом Евангелии: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»¹¹. Здесь перед нами открывается разрыв между желанием, чтобы Христос был сутью вещей, и удивлением тем фактом, что в опыте зачастую это не так. Здесь же проявляется и разница между намерениями и опытом. Таким образом, мы можем обнаружить, что даже в добропорядочной вере суть вещей свелась к чему-то другому, Христос уже не составляет ее; и мы потеряли равновесие и склонились в сторону чего-то другого – возможно, именно во имя того сущностного, что как бы то ни было продолжает звучать в наших речах.

Крайне важно уловить, о чем речь, чтобы не свести все сразу же к проблеме наших ошибок или нашей повседневной хрупкости, нашей нравственной непоследовательности. Подчеркивая разрыв между намерениями и опытом, мы говорим в первую очередь не о последовательности, не о количестве наших ошибок, но о том, что нас определяет, даже когда мы совершаем ошибки. То есть мы говорим о содержании нашего самосознания, о том, в чем реально заключается наша состоятельность, что мы на самом деле преследуем и любим, когда действуем, какова для нас суть вещей. Можно быть непоследовательными и в то же время целиком сосредоточенными на сути вещей, подобно детям, которых отец Джуссани часто ставил в пример: ребенок делает множество непоследовательных поступков, тысячу раз на дню сводит с ума свою мать, но в центре его взгляда всегда находится именно она, и никто другой. И попробуйте только разлучить его с ней! Он закричит, впадет в отчаяние.

Поэтому разрыв между намерениями и опытом не имеет ничего общего с *расхождением* между теорией и ее применением; из него видно, что содержание сознания и привязанности «по факту» стало чем-то другим, вышло за рамки нравственной последовательности-непоследовательности. Можно сказать, мы, сами того не замечая, часто смещаемся, направляем взгляд в другую сторону, сосредотачиваемся на чем-то другом (при этом мы не отрицаем суть вещей, но она превращается в некое априори, постулат, остающийся за нашей спиной и не определяющий, кто мы, какова наша личная идентичность и наше лицо в нынешнем мире).

Как мы увидим завтра, в нашей истории были некоторые моменты, когда это становилось особенно очевидно. Сейчас достаточно вспомнить слова отца Джуссани, к которым мы уже обращались во время Дня начала года: «Проект подменил присутствие»¹², а мы даже не заметили.

Что позволяет нам без страха смотреть на все, даже на ошибки, даже на нехватку самосознания, и быть свободными от искушения оправдаться (как мытари, которые шли к Иисусу, потому что только с Ним могли быть самими собой, не отвергая ничего из собственной природы; поэтому они искали Его, поэтому нуждались в возвращении к Нему: только так они могли наконец быть самими собой)? Уверенность в Его завете, уверенность в том, что Он и наши ошибки обратит в возможность для нас открыть Его инаковость, открыть, Кто Он. Уверенность в этой любви определяет завет, который Бог заключил с нами, как напоминает пророк Исаия: «Так говорит Господь: во время благоприятное Я услышал Тебя, и в день спасения помог Тебе; и Я буду охранять Тебя, и сделаю Тебя заветом народа, чтобы восстановить землю, чтобы возвратить наследникам наследия опустошенные, сказать узникам: “выходите”, и тем которые во тьме: “покажитесь”. Они при дорогах будут пасти, и по всем холмам будут пажити их; не будут терпеть голода и жажды, и не поразит их зной и солнце; ибо Милующий их будет вести их и приведет их к источникам вод. И все горы Мои сделаю путем, и дороги Мои будут подняты. Вот, одни придут издалека; и вот, одни от севера и моря, а другие из земли

¹¹ Мф 6, 21.

¹² L. Giussani, *Dall'utopia alla presenza (1975–1978)*, p. 64.

Синим. Радуйтесь, небеса, и веселись, земля, и восклицайте, горы, от радости; ибо утешил Господь народ Свой и помиловал страдальцев Своих»¹³.

Несмотря на такое предпочтение, мы нашей болтовней бросаем Господу вызов. «А Сион говорил: “оставил меня Господь, и Бог мой забыл меня!”»¹⁴ Как часто нам в голову приходят аналогичные мысли! На этот вызов можно было бы реагировать, подобно нам, обычно впадающим в реактивность, в озлобленность; но Он поражает нас подлинным, ни к чему не сводимым присутствием. Вместо того, чтобы позволить нам определять Его нашей болтовней, тем, что мы говорим или думаем о Нем, Он использует эту возможность и еще раз показывает Свою инаковость, невероятным образом бросая вызов нашему разуму: «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя»¹⁵.

Во что бы превратилась наша жизнь, если бы мы не могли каждый раз вновь слышать эти слова? Такова Его верность, позволяющая нам смотреть на все, позволяющая нам впустить в жизнь Его присутствие – ведь лишь оно способно постоянно сокращать разрыв между намерениями и опытом, поскольку делает возможным опыт единства жизни, какой переживали мытари, встречавшие Иисуса. Они возвращались к Нему, как возвращаемся и мы, в надежде услышать «то слово <...>, которое освободило меня», ради «надежды, которую Он пробудил во мне»¹⁶.

Все мы желаем именно этого единства жизни: «Взрослый человек – тот, кто достиг единства жизни, сознания собственной судьбы, ее смысла, энергии прирастания»¹⁷. Вот чего желает каждый из нас: этого единства жизни. Только так мы сможем действительно быть самими собой, а наше присутствие станет полезным и для нас, и для других. Как напоминал отец Джуссани в определенный момент нашей истории, в 1977-м, «в последние годы мы стали настоящими жертвами самонадеянного мнения о Движении как о панацее для Церкви и Италии. Но, <...> если Движение не является опытом веры, которая разрешает, просвещает мои проблемы, оно не может стать предложением для других»¹⁸. Поэтому он хотел, чтобы вера становилась опытом, и постоянно учил нас, что путь к этому лежит исключительно через персонализацию веры. «“Пришел момент персонализации <...> нового события, рожденного в мире, фактора, благодаря которому можно быть новыми протагонистами истории. И этим фактором является Христос в общении с теми, кого Отец дал Ему” <...> Джуссани подчеркивает, что речь идет о проблеме опыта: “Первая помощь, какую мы должны оказать друг другу, заключается в подтверждении того, что опыт является началом всего <...>. Опыт понимается как переживание, о котором выносятся суждения”»¹⁹.

Если вера не становится личным опытом, то невозможно существование миссии, а мы в конце концов становимся самонадеянными судьями всех и вся. Ведь предложение проходит через мою измененную человечность, а «миссионерский порыв есть благодарность или, в противном случае, самонадеянность»²⁰. Отсюда становится ясно, что единственной адекватной позицией на сегодняшний день является свидетельство, и к этому нас призывает Папа. Причину нам напоминает опять же отец Джуссани: «В обществе, подобном нашему, что-либо новое можно сотворить только с помощью жизни: никакие структуры, организации или инициативы для этого не годятся. Лишь

¹³ Ис 49, 8–13.

¹⁴ Ис 49, 14.

¹⁵ Ис 49, 15.

¹⁶ Ср. К. Кьеффо, «Ballata dell'uomo vecchio» и «Il monologo di Giuda». *Canti*, Società Coop. Ed. Nuovo Mondo, Milano 2014, p. 218, 230.

¹⁷ FCL, AMCL, fasc. CL/81, «Consiglio 18/19 giugno 1977».

¹⁸ FCL, AMCL, fasc. CL/85, «Centro 17.11.77. Sintesi».

¹⁹ A. Savorana, *Vita di don Giussani*, Rizzoli, Milano 2013, p. 762.

²⁰ FCL, AMCL, fasc. CL/85, «Centro 17.11.77. Sintesi».

жизнь, иная и новая, способна в корне изменить структуры, отношения, в общем, все. А жизнь принадлежит мне, целиком и полностью мне»²¹. Это прекрасная фраза!

Нужна жизнь! Диалектики не достаточно. И все же некоторые думают, что свидетельство, то есть жизнь, опыт жизни – это выбор пораженческий, интимистский, оправдывающий бездействие. Нет большего заблуждения. В действительности свидетельство представляет собой самый требовательный выбор, поскольку для него необходимо наиболее полное вовлечение. С нас спрашивается все – не просто какой-то отрезок времени, который мы решаем посвятить определенному проекту. Свидетельство – для людей, желающих жить на высоте собственной человечности, а потому необходимо присутствовать всем своим существом, когда мы идем навстречу другим, несем им новизну, переживаемую столь радикальным образом, что другой способен вновь ожить во всей своей человечности, – это происходит в отношении человека с человеком. «Бог спасает человека через человека»²², – читали мы на школе общины. Нужна вся моя человечность. Нужна вся боль нашей подруги Наташи перед ее ребенком, чтобы возникло новое отделение неонатальной патологии, – одной *пролайф*-конференции не хватит. Свидетельство состоит не в том, чтобы сойти на обочину или отступить с поля битвы, для него требуется вовлечение всей моей человечности: энергии, привязанности, ума, времени, единства жизни. И это ничего общего не имеет со спиритуализмом! Или с обращением к какому-то эксперту: вооружимся и ступайте!

Поэтому настаивать на персонализации веры – значит настаивать на ключевом пункте, из которого может проистекать та инаковость, что делает нас присутствием, делает нас способными на подлинное свидетельство в обществе. Кто из нас не ощущает в этом потребности? Мы можем переживать ответственность, к которой призвал нас Папа, лишь в том случае, если не считаем предмет разговора само собой разумеющимся (то есть что мы являемся свидетелями уже в силу того, что говорим так) и соглашаемся преодолеть путь, делающий нас свидетелями согласно замыслу, угодному Богу. Как говорит Джуссани, Движение – то, что помогает в этом, и ничего другого: оно помогает тебе быть самим собой.

«Путь к истине является опытом». Так было всегда. «В представлении о развитии задействована личная жизнь Ньюмана. Это, как мне кажется, становится очевидным из его известного утверждения, содержащегося в знаменитом “*Эссе о развитии христианского учения*”: “Здесь, на земле, жить – значит изменять, а совершенство есть результат многих преобразований”». Цитируя Ньюмана, Ратцингер продолжает: «Ньюман обращался на протяжении всей своей жизни, он преображался и таким образом всегда оставался одним и тем же и все больше становился самим собой. Мне в голову приходит фигура святого Августина, настолько она близка фигуре Ньюмана. Обратившись в саду Кассициака, Августин воспринял обращение еще согласно схеме досточтимого учителя Плотина и философов-неоплатоников. Он думал, что прошедшая грешная жизнь теперь окончательно преодолена; обращенный отныне и впредь есть личность совершенно новая и иная, а ее последующий путь состоит в одном непрерывном восхождении к высотам все более абсолютной близости Бога; нечто подобное описывал Григорий Нисский в труде «*О жизни Моисея Законодателя*»: “Как готовые к падению тела, как скоро приобретут некое стремление катиться по наклонности, <...> сами собою сильнейшим порывом несутся вниз, <...> так вопреки сему душа, отрешившаяся от земного пристрастия, делается несущуюся горé и скорою в этом движении ввысь, воспаряя от дольного в высоту”. Но реальный опыт Августина оказался иным: ему пришлось выучить, что быть христианами – значит скорее преодолевать все более тернистый путь, с его оврагами и кручами. Образ воспарения сменяется образом некоего *iter*, пути, на чьих изнуряющих колдобинах нас утешают и поддерживают моменты озарения, которые мы время от времени можем получить. Обращение есть путь, дорога длиною во всю жизнь. Вот почему

²¹ «Movimento, “regola” di libertа», a cura di O. Grassi, *Litterae Communionis CL*, novembre 1978, p. 44.

²² Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. М., 2010. С. 141.

вера – это всегда *развитие*, а потому и взросление души в устремлении к Истине, которая “ближе к нам, чем мы к самим себе”²³.

Это взросление происходит посредством всех жизненных обстоятельств: «Мир, со всеми его потрясениями, является способом, каким Бог призывает к подлинности и истине жизни всех людей, но особенно христиан, подобных часовым в лагере мира». Порой эти потрясения сбивают нас с толку, что нормально, как напоминает нам отец Джуссани: «В сущности, мы закономерно не можем избежать такого замешательства. “Мир будет смеяться, а вы заплачете”»²⁴.

Все, о чем мы сказали, позволяет нам осознать нашу нужду. Это сознание играет решающую роль в жесте, который мы собираемся начать. Ведь упражнения Братства – именно жест. Поэтому помимо лекции и собрания есть еще и моменты молчания, пения, молитвы и, прежде всего, просьбы. Участвуя в этом жесте, мы можем умалить его, так что каждый, согласно собственному критерию, выберет, в чем участвовать и за чем из предлагаемого «пакета» следовать! Как если бы мы отправились к врачу, но сами решали, какие лекарства принимать. Наоборот, чем яснее мы осознаем нашу нужду, тем больше все то, что мы проживем в предстоящие дни, все жертвы, которые принесем, станут криком, криком о том, чтобы Господь смиловался над нами. Станем же просить об этом.

²³ Й. Ратцингер. *Речь по случаю столетия со дня смерти кардинала Джона Генри Ньюмана*. Рим, 28 апреля 1990 г.

²⁴ L. Giussani, «La lunga marcia della maturità», *Tracce-Litterae communionis*, marzo 2008, p. 71.